

ББК 83.3(2):60.55.57
УДК 82-563:82-92

А. В. Растягаев¹,
Московский городской педагогический университет
(Самарский филиал)
avr67@yandex.ru

Ю. В. Сложеникина²,
Московский городской педагогический университет
(Самарский филиал)
goldword@mail.ru

**«ОПЫТ НЕМЕЦКОГО СЛОВАРЯ» Г.-В. РАБЕНЕРА:
ОТ ПЕРЕВОДА А. А. НАРТОВА ДО ПУБЛИКАЦИИ ПЕРЕДЕЛКИ
В «ТРУДОЛЮБИВОЙ ПЧЕЛЕ» А. П. СУМАРОКОВА³**

Публикация малоисследованной сокращенной переделки сатирического словаря Г.-В. Рабенера в апрельском номере журнала «Трудолюбивая Пчела» вызывает научный интерес. Авторы статьи полагают, что А. А. Нартов перевел немецкий текст полностью. Опубликованный вариант – результат редакторской правки издателя А. П. Сумарокова. Данная публикация положила начало традиции жанра сатирического словаря в русской литературе XVIII века, вызвала интерес отечественных переводчиков к творчеству Рабенера.

Ключевые слова: Сумароков, «Трудолюбивая Пчела», Рабенер, сатирический словарь, Нартов

Апрельская книжка «Трудолюбивой Пчелы» (далее - ТП) представляет собой, как и три предыдущие, собрание текстов различной жанровой природы. Это переводы и оригинальные произведения, проза и стихотворство. Содержание апрельской книжки

¹ Растягаев Андрей Викторович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии и массовых коммуникаций, Московский городской педагогический университет (Самарский филиал), г. Самара

² Сложеникина Юлия Владимировна, доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета, Московский городской педагогический университет (Самарский филиал), г. Самара

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00356 А «Журнал А. П. Сумарокова «Трудолюбивая Пчела» (1759) и его значение для русской литературы XVIII века»

ТП отличается особой пестротой и крайним разноречием. Начинает номер «Опыт Немецкого словаря, расположенного по русскому алфавиту» (далее – «Опыт немецкого словаря») с подзаголовком «Переведено из сатирических сочинений Готтлиба Вильгельма Рабенера» [24, 195–212], затем идет «Баснь. О Пираме и Фисбе. Из четвертой книге Овидиевых превращений» [24, 212–219], далее – «Из трактата Лонгинова, о важности слова с перевода Боалова. Глава II» [24, 219–225], «Истолкование личных местоимений *я, ты, он, мы, вы, они*» [24, 225–229], «Части III. Из I. Речи Смотрителя» [24, 229–231], «О несогласии» [24, 231–235], «О разности между пылким и острым разумом» [24, 235–237], «О неестественности» [24, 237–240], «Российский Вифлеем» [24, 240–242], Эклоги. I. «Ириса» [24, 242–246]. II. «Филиса» [24, 246–251], III. «Аркась» [24, 251–256]. В конце каждого текста (раздела) даются инициалы переводчика, с указанием языка источника (посредника), или инициалы автора.

Из десяти разнородных текстов под одну обложку попадают четыре перевода и шесть оригинальных произведений. Все шесть оригинальных текстов - проза и стихотворство - апрельской книжки принадлежат перу издателя.

Апрельская книжка, как февральская и мартовская, начинается достаточно объемным прозаическим переводом. В феврале это «Речь Павлина А Санкто Иозефо о том, что в учении спешить не должно» [24, 67–90] в переводе Григория Полетики, в марте - «Баснь о Фаэтонте. Из Овидиевых превращений» [24, 131–154] в переводе Василия Крамаренкова, в апреле - «Опыт немецкого словаря» [24, 195–212] в переводе Андрея Нартова.

Ни переводческий репертуар (Паулинус, Овидий, Рабенер), ни язык источника (средневековая латынь, классическая латынь, немецкий), ни жанр (проповедь, поэма, сатирический словарь), ни личности переводчиков (Полетика, Крамаренков, Нартов) не могут дать даже намека на причину появления именно этих текстов в начале указанных номеров ТП. Отчасти можно объяснить подобное расположение материала в сумароковском журнале традицией или заимствованием у журнала «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» (далее - ЕС), как это делают Т. Е. Абрамзон и А. В. Петров, ссылаясь на труд А. Н. Неустроева [2, 5–17; 10, 59].

Действительно, Сумароков активно сотрудничал с ЕС, как и другие будущие авторы ТП (А. А. Нартов, В. К. Тредиаковский, братья Нарышкины, Г. В. Козицкий и др.) в течение нескольких лет. Совершенно естественно, что, начав издать свой первый частный ежемесячный журнал, он использовал накопленный журналистский

опыт. Однако нельзя однозначно утверждать, что Сумароков заимствовал структуру своего журнала у ЕС: до ЕС академические журналы в нумерации публикаций использовали арабские цифры, с 1759 г. и «Праздное время, в пользу употребленное» (далее – ПВПУ) и ТП – римские, но с небольшими различиями. И в ЕС, и в ТП «переводные статьи идут попеременно с оригинальными», однако в миллеровском журнале «при обсуждении программы издания предполагалось постановить за правило, чтобы академики, один за другим, готовили оригинальные статьи для журнала» [10, 47]. Данное программное правило было нарушено самой жизнью: академиков было мало, очередность и регулярность поступления материалов нарушались. Поэтому большинство оригинальных статей принадлежали Г.-Ф. Миллеру. О существовании программы или правил издания ТП никаких письменных свидетельств нет. Однако отсутствие документов не доказывает того, коммуникативная стратегия у издателя-редактора отсутствовала. Конечно, Сумароков в определенной степени следовал уже сложившейся традиции академической журналистики, поэтому проза в ТП свободно чередуется со стихотворством, как и в ЕС. Но сам принцип совмещения «пользы» и «увеселения» ранее был позаимствован Миллером у немецкоязычных журналов.

ТП выгодно отличается от ЕС и ПВПУ качеством и количеством опубликованных в журнале стихотворений различных жанров. Именно жанровые обозначения вслед за латинской нумерацией создают предпосылки для формирования поименованных рубрик, внутри которых присутствует своя латинская нумерация публикаций: февраль – Елегии [24, 111–127], Стансы [24, 127–128], март – Еклоги [24, 171–180], Елегии [24, 190–192], апрель – Еклоги [24, 242–256] и т. д.

Особым образом обстоит дело и с отбором издателем-редактором ТП репертуара переводимых авторов. В этом вопросе программа ТП коренным образом отличается и от ЕС, и ПВПУ. Об этом свидетельствуют некоторые факты, на которые ранее не было обращено внимание исследователей.

Например, в 1758 г. Г. И. Полетика уже переводил для ЕС одну из проповедей монаха Паулинуса – «Речь на полуученых, переведенная с латинского языка», однако публикация его перевода второй проповеди Паулинуса в ТП – первая и последняя в данном издании. Студент В.И. Крамаренков также перевел для ТП отрывок из «Метаморфоз» Овидия первый и единственный раз и более с сумароковским журналом не сотрудничал [26, 123; 8, 115; 17, 132]. А. А. Нартов, напротив, регулярно печатался в ТП, однако свой второй перевод из Рабенера

«Немецкая пословица: Платье делает людьми: Перевод из Рабнеровых сатирических сочинений» отдал в июле 1759 г. в ЕС [17, 113]. Из этого можно сделать предварительный вывод о том, что ни личность переводчика, ни имя автора переводимого произведения не имели существенного значения для публикации конкретного произведения в той или иной помесечной книжке ТП. Возможные причины появления определенного переводного материала в апрельском номере ТП рассмотрим на примере публикации «Опыта немецкого словаря» Рабнера в переводе А. А. Нартова.

Андрей Андреевич Нартов (1737–1813) родился в Петербурге. Окончил Академическую гимназию, учился в университете. Перевелся в Сухопутный шляхетский корпус, откуда в 1755 г. был выпущен армейским прапорщиком. После перехода во Второй осадный полк Артиллерийского корпуса, благодаря покровительству П. И. Шувалова, назначенного в 1756 г. генерал-фельдцейхмейстером Артиллерийского ведомства, Нартов быстро продвигается по службе: в 1758 г. его производят в капитаны, в 1759 г. он получает чин в майора [9, 321].

Нартов владел несколькими новоевропейскими языками, особенно хорошо французским и немецким. Деятельность Нартова-переводчика была по достоинству оценена современниками. Так, Н. И. Новиков в «Опыте исторического словаря о российских писателях» отмечал: «Его (Нартова) переводы весьма много похваляются, и он чрез сие приобрел немалое к себе почтение, а за некоторые из его переводов и заслужил великую похвалу» [11, 147].

Нартов, «человек высокой культуры и образованности, к тому же хорошо обеспеченный, он мог позволить себе выбирать тексты для переводов по своему вкусу» [12, 141]. Его переводы античных авторов: Овидия, Плиния Младшего, Курция, Саллюстия, Псевдо-Лукиана, – были выполнены с немецких и французских переводов. Однако наибольшую ценность представляют собой переводы памятников немецкого Просвещения – произведения Рабнера, Готтшеда, Лессинга и др.

С середины 1750-х гг. Нартов много публиковался в академических и частных журналах: ЕС, ТП, ПВПУ и ПУ. Выступал в качестве автора элегий, сонетов, анакреонтических од, эпиграмм и других стихотворных жанров, но получил известность прежде всего как переводчик с немецкого. Сотрудничество Нартова с ТП с февраля по апрель 1759 г. было чрезвычайно плодотворным, с известной оговоркой его можно назвать одним из ведущих сотрудников сумароковского журнала. Его публикации заняли 4,3% всей площади

ТП. При безусловном первенстве редактора-издателя (44,9%) это пятый показатель после Григория Козицкого (21,3%), Николая Мотониса (7,5%) и Афанасия Лобысевича (4,5%). В феврале в ТП помещены перевод Нартова «Достоинства меньше почитаются нежели богатство» из журнала «Гражданин мира» («Der Weltbürger») [24, 101–111] и элегия собственного сочинения «Как только лишь тебя глаза мои узрели...» [24, 111–113], в апреле - перевод «Опыта немецкого словаря» [24, 195–212]. На этом сотрудничество Нартова с ТП по неизвестным причинам прекращается. Однако он продолжает заниматься переводами. Уже в июле 1759 г. Нартов помещает в ЕС свой перевод «Немецкая пословица: Платье делает людьми: Перевод из Рабенеровых сатирических сочинений», в сентябре также в ЕС – «Вертумн и Помона. Из XIV книги Овидиевых превращений» и в ПВПУ – «Баснь Дриопы. Из Овидиевых превращений».

Трудно ответить на вопрос, почему Нартов после публикации в апрельском номере прекратил печататься в ТП. Можно предположить, что кризис мая 1759 г., когда в помесечной книжке первый и единственный раз все материалы принадлежали Сумарокову, имел решающее значение. Поэтому второй перевод из Рабенера и был размещен в июльском номере ЕС. Намного важнее понять причину появления перевода сатирического словаря Рабенера именно в апрельском номере ТП, что не могло быть случайностью. Интересы переводчика и редактора-издателя должны были совпасть.

По мысли Л. А. Ольшевской и С. Н. Травникова, «германофильские склонности Н[артова] проявились в отборе памятников немецкого Просвещения для перевода» [12, 141–142]. Фигура Рабенера отрывает внушительный немецкий переводческий репертуар Нартова, а опубликованные в 1759 г. произведения немецкого сатирика на русском языке привлекают внимание читателей и других переводчиков к его творчеству. Хронологически первым был перевод из Рабенера, сделанный И. П. Елагиным и опубликованный в ЕС под заглавием «Скаска» в январе 1756 года. Однако ни имени автора, ни названия оригинала «Irus» при публикации указано не было. Елагин, как и многие переводчики ЕС, ориентировался не столько на автора, сколько на источник текстов – немецкий журнал «Увеселения ума и остроумия» («Belustigungen der Verstandes und des Witzes») [17, 106–107].

Известно, что среди всех немецких писателей сотрудники ПВПУ явно предпочитали Рабенера: только за 1760 г. было переведено П. И. Пастуховым и опубликовано в журнале десять произведений (басни, пословицы и письма) немецкого сатирика, включая его программное «Письмо о позволении сатир» [17, 136]. В 1764 г.

Я. И. Трусов начал полный перевод из «Собрания сатирических сочинений» («Sammlung satirischer Schriften», 1751–1755) Рабенера. В 1764 г. вышла первая часть избранных произведений [15]. В 1792–1794 гг. было издано собрание сочинений Рабенера в восьми частях в переводе Я. И. Трусова [16]. Краткий очерк жизни и творчества сатирика (в русском переводе 1792 г. «Жизнь Сочинителя сих сатир Господина Рабенера, описанная Господином Вейсом с приложением к оной Автора портрета») написал в 1772 г. Х. Ф. Вейссе [4, 3-82; 7, 178].

Готтлиб Вильгельм Рабенер (Gottlieb Wilhelm Rabener, 1714–1771) – сатирик раннего немецкого Просвещения. Родился в селении Вахау под Лейпцигом в дворянской семье, учился в Лейпцигском университете. После окончания юридического факультета служил сначала в Лейпциге, а с 1753 г. в Дрездене в должности податного инспектора [18, 159–160]. По воспоминаниям современника, «был трудолюбив в высочайшей степени и жертвовал удовольствием и здоровьем делам по должности» [4, 72]. Печатался с 1741 г. в журналах «Увеселения ума и остроумия» («Belustigungen des Verstandes und Witzes», 1741–1745), «Новые материалы для удовлетворения ума и остроумия» («Neue Beiträge zum Vergnügen des Verstandes und Witzes»); у современников в печати коротко по месту издания – «Bremer Beiträge»; 1744–1759), чья редакционная политика, как и вся немецкая литература того времени, «чуждалась резкого обличения смехом» и отдавала предпочтение «умеренной сатире на пороки в границах и формах, определенных ей Рабенером в своих программных статьях и разбросанных высказываниях о ее природе и специфике» [17, 136].

Первый биограф писателя, журналист и издатель Х.-Ф. Вейссе (Г. Вейс, Veisse) охарактеризовал в 1772 г. сатирическое творчество своего недавно ушедшего из жизни приятеля с трех позиций. Во-первых, «Рабенеровы сатиры столь чужды порока личности, сколь только сатира одного чужда быть может»; во-вторых, «в его сочинениях можно вообще познавать человека и самого себя»; наконец, «сатира не была в его руках орудие, которым он защищался или нападал на других» [4, 5–6, 10]. М. Л. Тронская видела «новаторство Рабенера прежде всего в трактовке традиционных тем», а главной отличительной чертой его сатиры называла мастерство в создании «конкретно очерченного образа человека», когда сатирик «добивается большой наглядности и выпуклости обрисовки» [23, 37, 40].

По мысли С. В. Тураева, Рабенер «позволял себе критиковать не социальные явления, а человеческие слабости помещика или священника, нарушающих свой моральный долг», поэтому «главные объекты его сатиры – чванство, педантизм, жадность, сутяжничество,

шарлатанство, порочные методы воспитания молодых людей, оторванность немецкой школы с ее греко-латинскими премудростями от реальных запросов жизни» [25, 201].

Г. В. Синило считает, что Рабенер «действительно обличает весьма обобщенные и частные пороки, но это не значит, что в его творчестве нет острых социальных нот», поскольку он «вводит конкретные бытовые сцены и ситуации в свои памфлеты», несущие в себе моральные поучения близкие «по своим задачам и стилю к прозе английских и немецких моральных еженедельников» [18, 160].

«Опыт немецкого словаря» («*Verfuch eines deutschen Wörterbuchs*») был впервые опубликован Рабенером в 1745 г. в третьем томе журнала «*Neue Beiträge zum Vergnügen des Verstandes und Witzes*» («*Bremer Beiträge*»). М. Шмитц-Эманс считает, что автор использовал идею «Опыта морального словаря» («*Versuch eines moralischen Wörterbuchs*»), напечатанного анонимно в кёнигсбергском еженедельнике «*Der Einsiedler*» в 1742 году [29].

В 1751 г. Рабенер включил «Опыт немецкого словаря» во второй том собрания своих сочинений «*Sammlung satirischer Schriften*» [28, 169-204]. В статье «О злоупотреблении сатирой» («*Vorbericht; von dem Misbrauche der Satyre*»), открывавшей первый том издания в качестве предисловия, автор поделился интересной историей первой, журнальной публикации сатирического словаря.

Фабула этой истории такова. Журнал попал в руки крестьян. Ознакомившись со словарными статьями, посвященными комплиентам и присяге, простодушные читатели обратились к пастору, а тот написал донос в уездный суд, который открыл полномасштабное разбирательство. Сатирический словарь признали «безбожным и безсовестным учением; соблазнительным, заторным и неистовым о клятвах суждением; разсеянием плевел учения о злоупотреблении их; народным прельщением и искушением неповинных сердец; скептически упрямым исполненным вздором и возбуждением ко всякому злу, и прочая» [16, 123].

К сожалению, финал рассказанной Рабенером истории – осуждение и арест книги без предварительного ее прочтения – явление достаточно известное в истории мировой литературы не только XVIII века, но и XX столетия. Поэтому оставим в стороне социальный аспект происшедшего, а обратимся к деталям сюжетного развертывания, которое вскрывает механизм ложного восприятия читателем сатирического произведения как такового.

Как известно, сатира есть «образное отрицание современной действительности в различных ее моментах, необходимо включающее

в себя – в той или иной форме, с той или иной степенью конкретности и ясности – и положительный момент утверждения лучшей действительности» [3, 938]. Крестьяне, к которым случайно попал журнал, начали читать самую первую публикацию. Не обратив внимания на предисловие, они сразу перешли к словарным статьям о комплименте и о долге. Невольно разрушив жанровую целостность сатирического словаря, пересказав сначала друг другу, а потом и пастору отрывки из литературного произведения, неподготовленные читатели окончательно разрушили образность и художественное целое произведения искусства. Идеал как высшая реальность, и без того скрытый в сатирическом нарративе Рабенера, не был воспринят при беглом прочтении, а при пересказе в отрывках и полностью уничтожен. Поэтому «подозрение на книгу» возникло у пастора неслучайно.

Перцепция пастора изустных рассказов крестьян была обусловлена двумя причинами. Во-первых, «книги», т. е. журнала, на который ссылались крестьяне, он не только не читал, но и в глаза не видел. Во-вторых, в репликах своих прихожан он интуитивно опознал фольклорное ядро любой сатиры – «формы народно-праздничного осмеяния и срамословия» [3, 938]. Для служителя культа осмеяние идеи долга, ритуала присяги, в котором задействована Библия, есть не что иное, как срамословие в адрес Священного Писания. Поэтому донос пастора в суд в данной ситуации вполне объясним: для священника сатирический словарь Рабененера, им не читанный и даже не виданный, априори книга безбожная, так как пародирует и травестирует прежде всего Библию.

Для суда важнее всего было пресечь диалоговую форму распространения крамольных мыслей. Поэтому были задержаны сразу все носители обличительной информации: допросили старосту, мельника, ценовальника и многих крестьян. Была найдена и арестована сама «книга». Однако крестьян обвиняли прежде всего в факте чтения крамольного журнала, что они признали, только когда их привели к присяге в суде. Словарная статья «Присяга» привела читателей к присяге реальной, круг замкнулся и исчерпался. Изысканная фигуральность рабенеровской сатиры невольно породила безапелляционный текст обвинительного приговора. Для этого достаточно было невнимательно прочитать текст и пересказать его отрывками.

Опубликованный в апрельском номере ГП «Опыт немецкого словаря» Рабенера в переводе Нартова тоже переделка с сокращением текста источника, т. е. конкретного издания, из которого заимствован материал [17, 74]. По всей вероятности, источник - Rabener, G.W.

Verfucheines deutſchen Wörterbuchs // [Rabener, Gottlieb Wilhelm]: Sammlung satyriſcher Schriften. Bd. 2. Leipzig, 1751. s. 169–204. На это указывает подзаголовок «Переведено из сатирических сочинений Готлиба Вильгельма Рабенера», где дан дословный перевод части заглавия лейпцигского издания 1751 г. «Sammlung satyriſcher Schriften» без слова «сборник» (Sammlung). На то, что перед читателем не точный перевод, а трансформация, указывает заглавие – «Опыт Немецкаго словаря, расположенного по русскому алфавиту».

Действительно, русский переводчик располагает словарные статьи источника не по немецкому, а по русскому алфавиту, следуя логике не сатирического, а толкового словаря. У Рабинера они идут в такой последовательности:

1. Compliment ('Комплимент') [28, 173–175].
2. Eidschwur ('Клятва верности, присяга') [28, 175–178].
3. Ewig ('Вечный', 'вечно') [28, 178–181].
4. Ehrwürdig ('Достопочтенный', 'достопочтенно') [28, 181–184].
5. Gelehrt ('Ученый') [28, 184–195].
6. Menschenfeind ('Мизантроп') [28, 195–199].
7. Pflicht ('Обязанность', 'долг') [28, 199–200].
8. Verstand ('Разум') [28, 201–204].

В переложке, опубликованной в ТП, – следующий порядок:

1. Вечно [24, 197–201].
2. Должность [24, 201–203].
3. Достопочтенно [24, 203–206].
4. Клятва [24, 206–209].
5. Комплимент [24, 209–2011].

Нетрудно заметить, что текст источника не только трансформируется, но и сокращается. Из восьми словарных статей в апрельском номере ТП публикуются лишь пять. Статьи «Мизантроп», «Разум», «Ученый» или не были переведены Нартовым, что маловероятно, или были намеренно сокращены либо переводчиком, либо издателем-редактором.

В свое время Р. Ю. Данилевский высоко оценил качество данного перевода Нартова, выделяя именно этого переводчика из всех сотрудников ТП: «В целом проза “Трудолюбивой пчелы” тяжеловеснее, чем в других журналах того времени, исключая, может быть, искусные переводы А. А. Нартова» (далее у Данилевского идет ссылка 231 «См., например, «Опыт Немецкаго словаря, расположенного по русскому алфавиту» – переложку сатирического сочинения Рабенера») [6, 139]. Однако изящным данный перевод даже для XVIII в. назвать сложно. Русский текст одновременно сочетает

в себе попытку и дословного перевода, и вольного переложения, когда нарушаются границы предложений, абзацное членение, происходит произвольное сокращение текста и т. п. Качество перевода неровное: когда предмет сатирического изображения интересен Нартову, то он находит точные эквиваленты для передачи тонкой словесной игры Рабенера, когда нет – следует дословный, иногда калькированный перевод: целые абзацы русского варианта выпадают из контекста и становятся трудными для понимания.

Так, во вступлении Рабенер излагает свою концепцию сатирического словаря: причину создания, цель и задачи. Однако именно эту часть, сильную позицию текста, Нартов переводит небрежно: *vollständig* ('полный', 'всеобъемлющий') – у него 'совершенный'; *unbestimmt* ('неопределенный') – 'несходный'; *Misbrauch* ('извращенно') – 'суетно', *Dummkopf* ('дурак') – 'глупая голова'; *Landsleute* ('земляки') – 'единоземцы'; *arbeitsamen Creaturen* ('трудолюбивые существа', *здесь* 'книжные черви', 'трутни') – 'расчетливые твари'; *Einrichtung* ('создание') – 'расположение' [28, 171–172; 24, 195–197]. Из-за необоснованных лексических замен страдает сатирический дискурс рабеновского словаря в целом.

В словарной статье «Вечно» вся игра слов, связанная с любовной темой, калькируется, отчего становится вовсе не понятной и не смешной. Заглавие статьи «Pflicht» ('Обязанность', 'долг') переводится Нартовым как «Должность» [28, 199–200; 24, 201–203]. Причем русский переводчик не следует графическому оформлению немецкого текста: у Рабенера за заглавной единицей словарной статьи следуют выделенные более крупным полужирным шрифтом ключевые слова, выполняющие роль подзаголовков. Нартов не обращает на это внимание, поэтому зачастую смысл искажается, а сатирическая образность рушится: *theure Pflicht* ('доходное место') превращается в 'драгоценную должность', *Schulmann* ('учитель') – в 'школьного человека' [28, 199–200; 24, 201–203]. К курьезам можно отнести перевод слов *böse Gewissen* ('нечистая совесть') и *Kammernädchen* ('служанка') из статьи «Достопочтенно». Нартов их переводит соответственно как 'злоба' и 'комнатная девка' [28, 181–184; 24, 203–206].

В целом перевод Нартова вписывается в общую картину переводов художественной прозы 1750-х гг.: реализован «основной стилистический принцип передачи прозаического повествования – так называемый средний стиль»; внимание переводчика сконцентрировано на передаче «не слога, а смысла, авторской мысли»;

переводческий репертуар обусловлен «потребностями Просвещения» [6, 140–141].

Вместе с тем необходимо ответить на два вопроса: почему «Опыт немецкого словаря» в переводе Нартова открывает апрельскую книжку ТП и почему переведенный текст опубликован в таком трансформированном и усеченном виде?

Безусловно, решение о печатании русского перевода рабеновского словаря принимал издатель-редактор ТП А. П. Сумароков, руководствуясь «потребностями Просвещения», как он их понимал в апреле 1759 года. Семантическое ядро данной помесечной книжки – три статьи самого Сумарокова: «О несогласии» [24, 231–235], «О разности между пылким и острым разумом» [24, 235–237] и «О неестественности» [24, 237–240]. Это своего рода поэтологический манифест издателя ТП, в котором он рассуждает о соотношении разума и сердца, остро и пылко ума, о естественности и неестественности в поэтическом творчестве. Каждый из материалов, переводных или оригинальных, помещенный в апрельском номере, прямо или косвенно связан с проблемой несогласия, несоответствия всякого рода.

Не является исключением и выполненный Нартовым перевод сатирического словаря Рабенера. Сам принцип несогласия формы и содержания этикетных слов, выявленный немецким сатириком, вынесен им во вступление: «Я нашел, что многия Немецкия слова так несходны, что часто тот, которой их употребляет, нечто другое думает, а не то, что бы думать ему надлежало, и тот, которой их слушает, когда он не совсем обмануться, так легко заблудиться может» [24, 195–196]. Таким образом, русская переделка немецкой сатиры по праву заняла свое место в начале апрельского номера. Она отвечала сразу нескольким требованиям и по содержанию, и по форме: соответствовала общей концепции всей помесечной книжки; продолжала традицию ТП и других журналов 1750-х гг. помещать объемные переводные прозаические материалы в начале номера; впервые представляла литературной общественности Рабенера, чье полное имя значилось в заглавии публикации, и одновременно придавала авторитет последующим материалам номера, тем самым манифестируя продолжение традиций европейского Просвещения.

Трансформированный перевод Нартова был напечатан в усеченном виде. Вряд ли переводчик изначально был ориентирован на сокращение текста «Опыта немецкого словаря». В ТП не были напечатаны три последние статьи, расположенные уже по русскому алфавиту: «Мизантроп», «Разум» и «Ученый». Соответственно

в немецком источнике статьи следуют по алфавиту так: «Gelehrt», «Menschenfeind», «Pflicht», «Verstand». Причем предпоследняя словарная статья «Pflicht» была переведена Нартовым как «Должность» и опубликована Сумароковым. Можно предположить, что Нартов все же перевел сатирический словарь целиком, а уже издатель-редактор сократил количество словарных статей, расположенных уже по русскому алфавиту.

На вопрос, почему Сумароков так поступил с переводом Нартова, ответа нет. Первое, что приходит в голову, это ограниченный объем журнала. Вполне естественно, что напечатать в одном номере все словарные статьи рабнеровского словаря было невозможно. Так, в отличие от других, статья «Gelehrt» («Ученый») была чрезвычайно объемной и занимала в источнике целых пятнадцать страниц [28, 184–195]. Кроме того, ее пространный текст содержал огромное количество саксонских топонимов и имен собственных, которые ничего не говорили российскому читателю. Однако статьи «Menschenfeind» («Мизантроп») [28, 195–199] и «Verstand» («Разум») [28, 201–204], гораздо меньшие по объему и по содержанию, казалось бы, вполне вписываются в контекст апрельского номера ТП. В первую очередь это статья, посвященная разуму, поскольку она завершала сатирический словарь Рабнера и являлась сильной позицией всего текста источника.

С. В. Тураев обратил внимание на то, что в данном произведении Рабнера «слово “разумный” одно из наиболее часто употребляемых», и дал перевод отрывка из соответствующей словарной статьи: «Человек без рассудка - это не кто иной, как бедняк. Он может быть честным, ученым, остроумным - одним словом, искуснейшим и полезнейшим человеком в городе, но никто ему не поможет: он лишен рассудка, ибо у него нет денег». [25, 201]. Пародируя бюргерское представление о здравом смысле, сниженное понимание категорий «разум» и «разумное», сатирик предлагает их материальный эквивалент:

«1000 талеров – не совсем без ума
6000 талеров – изрядный ум
12000 талеров – тонкий ум
30000 талеров – великий ум
50000 талеров – глубокий (проникновенный) ум
100000 талеров – английский ум» (Пер. А. Н. Анисимовой).
Именно поэтому «потерять рассудок» - значит «разориться».

Тема денег, точнее, их отсутствия для Сумарокова в течение нескольких лет, особенно весь 1759 г., наиболее болезненная.

В письмах к И. И. Шувалову директор Русского театра и издатель ТП постоянно жалуется на крайнее безденежье: у него катастрофически нет средств на жалование актерам, костюмы, восковые свечи, плашки и т. п. Российский театр, учрежденный 30 сентября 1756 г., был «“вольным”, т. е. общедоступным и платным, основанным на самоокупаемости» [20, 187, 189]. Только в январе 1959 г. Сумароков все же «добился передачи театра в придворное ведомство», но «это привело к столкновениям его с гофмаршалом К. Е. Сиверсом, взявшим театральные дела под свой контроль» [21, 189].

Как правило, пик материальных затруднений Сумарокова всегда приходился на апрель – май. Это было связано с тем, что театральные сезоны в России тогда начинались с осени и продолжались до Великого поста [13, 70]. Кроме того, здание театра располагалось на Васильевском острове, который зимой соединялся с центром по льду, «во время ледохода и ледостава сообщения прерывались», летом использовался наплавной мост [20, 189]. Так, 5 января 1757 г. в письме Сумароков просит Шувалова освободить его от места директора, поскольку «в апреле по неспособности реки, а потом за неимением моста представлению быть нельзя; а летом представлять очень трудно» [13, 70]. В апреле (29) - мае (1) 1757 г. Сумароков буквально кричит о помощи: «Лето настает, а деньги в театральной казне исчезают», «Денег скоро больше не будет, дохода сбором без театра иметь не можно, а до сентября еще не близко» [13, 70, 71]. В апреле 1758 г. он снова сетует: «...от начала учреждения театра ни одного представления еще не было, которое бы миновалося без превеликих трудностей, не приносящих никому плода, кроме приключаемого мне мучения и превеликих замешательств [13, 75]. Одно время Сумароков был вынужден даже закладывать свои вещи, чтобы рассчитаться с долгами. Между тем «в кругу Шувалова о Сумарокове начинают говорить как о транжире и моте, некоторые считают его вором» [1, 79]. Так что, по меркам немецких бюргеров, живописно изображенных Рабеном в словарной статье «Разум», Сумароков совсем «потерял рассудок» - оказался банкротом: его ум не приносил ему никакого дохода.

Однако «мучения и превеликие замешательства» Сумарокова не исчерпывались исключительно материальной нуждой. Поскольку его драматические сочинения и ТП печатались в Академической типографии, то автору и издателю не нравились ни счета, ни цензурные правки, которые он получал из Академии наук. Сумароков ревностно относился к академическим успехам Ломоносова, считал себя не менее ученым и достойным быть членом Академии и задавался вопросом:

«...или русскому стихотворцу пристойнее членом быть ученаго собрания в Немецкой земле, а в России немцам? Мне кажется, что я не хуже аптекаря Моделя, хотя и не шарлатанствую: не хуже Штеллина, хотя и русской стихотворец и не хуже Ломоносова, хотя и бисера не делаю» [5, 18]. Действительно, Сумароков был почетным членом Лейпцигской академии свободных искусств, о чем свидетельствовал диплом от 7 августа 1756 г., подписанный И.-Хр. Готтшедом [20, 192; 21, 184]. Близкий к литературному кругу Готтшеда, Рабенер в словарной статье «Ученый» изображает целую галерею своих родственников и знакомых, которые, несмотря на прекрасное образование и достижения в науках, не были востребованы в Саксонии: не получили достойных государственных постов и были обойдены чинами и наградами.

У современников Сумароков снискал реноме неуживчивого, желчного человека. В своих бедах он зачастую винил тех людей, с которыми его сводила жизнь: от Ломоносова и графа Сиверса, под началом которого с января 1759 г. «оказались не только хозяйственные и финансовые дела русского театра, но и вопросы творческие, к примеру, репертуарный» [1, 81], до неизвестных подьячих, копиистов и т. п. Характеризуя личность Сумарокова, Я. К. Грот признавал, что «большая доля его страданий происходила от его личных свойств: безмерного самолюбия и раздражительнаго характера, соединенных с недостаточным образованием и внезапным возвышением в литературе вследствие особенно благоприятных обстоятельств» [5, 19]. Анонимный автор письма, современник Сумарокова, характеризует своего адресата так: «Безразсудное и мер неимущее ваше самолюбие столько вас ослепляет, что вы, не видя звания вашего пределов, весь свет презираете и почитаете за долг о каждом человеке говорить ему вредную ложь; а злоба вашего сердца, толь неосновательным самомнением управляющая, к тому безпрестанно вас привлекает, чтоб всем, которых только имя вам известно, вредить и досаждать и всевозможные делать обиды!» [22, 612]. Портрет подобного себялюбца рисует и Рабенер в словарной статье «Мизантроп». В сатирическом толковании это прежде всего совершенный человек, презирающий всех других, поскольку они созданы лишь затем, чтобы их высмеивать и изобличать, утверждая свое абсолютное превосходство.

Таким образом, Сумароков, периодически испытывавший приступы ипохондрии, последовательно загонявший себя «и в метафизический, и во вполне реальный финансово-бытовой тупик» [27, 147], по всей видимости, не смог увидеть в словарных статьях Рабенера «Мизантроп», «Разум» и «Ученый» ничего смешного. Более того, мнительный и обидчивый, погруженный в собственные «мучения

и превеликие замешательства», оставленный первой женой Иоганной Христиановной, издатель ТП мог увидеть в рабеновском тексте карикатуру на самого себя – непризнанного ученого и потерявшего разум мизантропа. Думается, что печатать подобный текст Сумарокову было самоубийственно, а приспособить его к собственным нуждам, избрав в качестве мишени своего главного литературного врага, не оказалось ни сил, ни желания. Именно поэтому, возможно, ни в майском, ни в последующих номерах ТП продолжения перевода «Опыта немецкого словаря» не последовало. Косвенным подтверждением может служить тот факт, что Нартов отдал свой следующий перевод из Рабенера в ЕС и больше с ТП не сотрудничал.

Однако для истории русской литературы XVIII в. публикация усеченной переделки «Опыта немецкого словаря» Рабенера в апрельском номере ТП имела свои последствия. Во-первых, опыт немецкого сатирика был учтен самим Сумароковым. В той же апрельской книжке он публикует статью собственного сочинения «Истолкование личных местоимений *я, ты, он, мы, вы, они*» [24, 225–229], в основу которой кладет сходный принцип толкования общепотребительных слов. Во-вторых, позднее данную «форму сатиры блестяще использовали Н. И. Новиков и Д. И. Фонвизин» [19, 201], причем Новиков «дважды указал на Рабенера как на своего предшественника» [14, 112]. Наконец, в 1792–1794 гг. был сделан и издан полный перевод сатирических сочинений Рабенера на русский язык.

Литература

1. Абрамзон, Т. Е. Александр Сумароков. История страстей: монография / Т. Е. Абрамзон. – М.: ОГИ, 2015. – 304 с.
2. Абрамзон, Т. Е., Петров, А. В. А. П. Сумароков – издатель журнала «Трудолюбивая пчела»: факты и мифы (к 300-летию со дня рождения писателя) / Т. Е. Абрамзон, А. В. Петров // Научные ведомости Белгородского государственного университета. - Серия: Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 37. – № 1. – С. 5–17.
3. Бахтин, М. М. Сатира / М. М. Бахтин // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А.Н. Николюкин. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – Стб. 935–950.
4. Веиссе, Х. Ф. Жизнь и свойства сочинителя / Х. Ф. Веиссе // Рабенер, Г.-В. Собрание сочинений Готлиба Вильгельма Рабенера / Г.- В. Рабенер / Перевод с немецкого. - М.: Унив. тип., у В. Огорокова, 1792. – С. 3–82.
5. Грот, Я. К. Письма Ломоносова и Сумарокова к И. И. Шувалову: Материалы для Истории русского образования / Я. К. Грот // Записки Императорской Академии Наук. – Т. I. – СПб., 1862. – Прилож. № 1. – С. 1–52.

6. Данилевский, Р. Ю. 1725–начало 1760-х годов: Классицизм / Р. Ю. Данилевский // История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. Т. I: Проза. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – С. 95–141.
7. Данилевский, Р. Ю. Рабнер / Р. Ю. Данилевский // Русско-европейские литературные связи. Энциклопедический словарь. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – С. 178–179.
8. Кулябко, Е. С. Замечательные питомцы Академического университета / Е. С. Кулябко. – Л.: Наука, 1977. – 228 с.
9. Лепехин, М. П. Нартов Андрей Андреевич / М. П. Лепехин // Словарь русских писателей XVIII века: в 3 т. / Отв. ред. А. М. Панченко. – СПб.: Наука, 1988–2010. – Вып. 2: К–П, 1999. – С. 321–326.
10. Неустроев, А. Н. Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг., библиографически и в хронологическом порядке описанных, А. Н. Неустроевым / А. Н. Неустроев. – СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1874. – 950 с.
11. Новиков, Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий, и словесных преданий собрал Николай Новиков / Н. И. Новиков. – СПб.: [типография Академии наук], 1772. – 263 с.
12. Ольшевская, Л. А., Травников, С. Н. Нартов Андрей Андреевич / Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников // Русские писатели, XVIII век: Библиографический словарь / Сост. С. А. Джанумов. – М.: Просвещение, 2002. – С. 141–142.
13. Письма русских писателей XVIII века. – Л.: Наука, 1980. – 471 с.
14. Привалова, М. И. Из истории «малых форм» сатиры в русской журналистике XVIII – XIX веков / М. И. Привалова // Русская журналистика XVIII–XIX веков (из истории жанров) / отв. редактор Н. П. Емельянов. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1969. – С. 102–120.
15. Рабнер, Г.-В. Готлиба Вильгельма Рабнера Сатиры / Переведена с немецкого [Я.И.Трусовым] / Г.-В. Рабнер. – СПб.: [Тип. Акад. наук], 1764. – 8°с.
16. Рабнер, Г.-В. Собрание сочинений Готлиба Вильгельма Рабнера / Г.-В. Рабнер / Перевод с немецкого. – М.: Унив. тип., у В. Огорокова, Ч. 7–8; Унив. тип. у Ридигера и Клаудия, 1792-1794. Ч. 1: [Жизнь и свойства сочинителя. Издан. Х. Ф. Веиссе. Разныя сатирическая сочинения]. 1792. – 342 с.
17. Рак, В. Д. Статьи о литературе XVIII века / В. Д. Рак. – СПб.: Пушкинский Дом, 2008. – 640 с.
18. Синило, Г. В. История немецкой литературы XVIII века / Г. В. Синило. – Минск: БГУ, 2012. – 400 с.
19. Стенник, Ю. В. Русская сатира XVIII века / Ю. В. Стенник. – Л.: Наука, 1985. – 362 с.
20. Степанов, В. П. Комментарии / В. П. Степанов // Письма русских писателей XVIII века. – Л.: Наука, 1980. – С. 182–224.

21. Степанов, В. П. Сумароков Александр Петрович / В. П. Степанов // Словарь русских писателей XVIII века. – Л.: Наука, 1988–2010. – Вып. 3 (Р–Я). 2010. – С. 189–199.
22. Тихонравов, Н. С. Александр Петрович Сумароков. Современная его характеристика (май 1769 г.) / Н. С. Тихонравов // Русская старина. – 1884. – Том XLI. – Вып. 3. – С. 609–618.
23. Тронская, М. Л. Немецкая сатира эпохи Просвещения / М. Л. Тронская. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1962. – 273 с.
24. Трудолобивая Пчела. – СПб.: Типография Академии наук, 1759. Генварь-[декабрь]. – 767 с.
25. Тураев, С. В. Немецкая литература [XVIII в.] / С. В. Тураев // История всемирной литературы: В 8 т. Т. 5. - М.: Наука, 1988. – С. 193–244.
26. Штранге, М. М. Демократическая интеллигенция России в XVIII веке / М. М. Штранге. – М.: Наука, 1965. – 306 с.
27. Kutuzov, M. The personal mythology of Peter III Feodorovich as deployed in Russian panegyrics of 1742, 1743, and 1762 / M. Kutuzov. - Edmonton, Alberta, 2013. – 295 p.
28. Rabener, G. W. Verſuche eines deutſchen Wörtebuchſ [Электронный ресурс] / G. W. Rabener // [Rabener, Gottlieb Wilhelm]: Sammlung ſatyriſcher Schriften. – Bd. 2. – Leipzig, 1751. – S. 169–204. – Режим доступа: http://www.deutschestextarchiv.de/book/show/rabener_sammlung02_1751
29. Schmitz-Emans, M. Gottlieb Wilhelm Rabener: «Versuch eines deutſchen Wörtebuchſ» [Электронный ресурс] / M. Schmitz-Emans // Enzyklopädien des Imaginären, 2010. – Режим доступа: <http://www.actalitterarum.de/theorie/mse/enz/enzn02.html>

"EXPERIENCE OF THE GERMAN DICTIONARY" BY
G.-B. RABENER: FROM A. A. NARTOV'S TRANSLATION
TO THE PUBLICATION OF THE ALTERATION IN A. P. SUMAROKOV'S
"THE INDUSTRIOUS BEE"

A. V. Rastyagaev, YU. V. Slozhenikina

Abstract

The publication of the scantily abridged alteration of G.-B. Rabener's satirical dictionary in the April issue of the journal "Industrial Bee" is of scientific interest. The authors of the article believe that A. A. Nartov translated the German text completely. The published version is the result of A. P. Sumarokov's editing. This publication marked the beginning of the tradition of the satirical dictionary genre in Russian literature of the XVIII century, as well as generated interest of domestic translators to Rabener's satire.

Keywords: Sumarokov, "The Industrious Bee", Rabener, Satirical Dictionary, Nartov

Поступила в редакцию 6.09.2018